

ожаный жилет и ярко-красный свитер. Крутой прикид на фоне его 80 ти вызывает такое же удивление, как культура в массах, как словосочетание ветеран-артист-старик. Набор вообще-то точный. Георгий Менглет
— ветеран, артист. А если и старик, то только — театральный. А это особая, обожаемая мной порода, которую из-за отсутствия хоть какой-то численности уже пора заносить в

Я не хочу молодиться. Но осталась старая закваска, привычка к яркости. Видите ли, Марина, милая, я по-идиотски люблю театр. Хотя эта новость не первой свежести.

Да уж. Георгий Павлович, а сколько лет вы в театре?
— 1 ноября исполнится 50, как я служу в

Театре сатиры.

театре сапиры.

— То есть вы пришли в "Сатиру" в 35-м году, перед самыми репрессиями. И не убоялись? Не лучше ли было отсидеться, ну скажем, где-нибудь в оперетте?

— Кстати, об оперетте. Вернувшись с фронта (там я руководил фронтовой бригадой), я сесть Маця сам Рубои.

поступил в Вахтанговский театр. Меня сам Рубен Симонов пригласил, да еще — на роль Карандышева в "Бесприданнице". Это же мечта актера! И вдруг среди лета раздается звонок от известного на всю Москву Филиппова, который, как мне сказали, стал директором Театра оперетты.
— Георгий Палыч, не хотели бы вы рабо-

тать в нашем театре?

- Почему? Я не пою, не танцую. А у нас не надо петь.

Докатились, думаю я, в Театре оперетты

- Да мы "Сатира", а не оперетта. Тогда я обнаглел

С удовольствием перейду. Только с одним условием — квартиру давайте.
 Я не расчетливый человек. В Вахтангов-

ском ничего не просил, а тут...
— Через две недели у вас будет квартира,

сказал мне Филиппов. И я, хамски, не попрощавшись с Рубеном

Николаевичем, ушел из Вахтанговского, не начав в нем работать. Квартиру я получил через, ха-ха... одиннадцать лет. Вот так моя судьба

Связана с опереттои.

Нет, я не боялся репрессий, потому как по молодости полагал, что меня не за что брать. Разве что за слова в пьесе: "Она легла в пос... (виноват...) — за это? Хотя в 36-м году был арестован мой учитель и любимейший человек Алексей Денисович Дикий. Арестован как английский шпион. Забрали его жену, друзей... Но все она — беззаботная юность. Ну не было у меня такого, чтобы устроиться там. где можно меня такого, чтобы устроиться там, где можно смыться, слинять, где "тру-ля-ля".

— Смелый был Менглет?

 Вот смелый я или нет? Во время войны у меня вдруг возник роман с одной докторшей.
 И мы с ней ночью, в саду, целовались под адской бомбежкой. Взрывы кругом, грохот, а мы... Что это — смелость? Да нет, влюбленность. Ни-чего не помнишь, кроме объятий и грудей. Вот сейчас через лужицу не знаешь, как перебраться. А тогда..

Марина, милая, мне уже много лет, но в этом деле — театре — я до сих пор многого не понимаю. И не потому, что меня беспредельно охватывает маразм. Нет. Просто с каждым днем убеждаешься, что искусство театра настолько бездонно, что постичь его, мне кажется, одной жизни не хватит.
— Однако как быстро и даже неожиданно

— Однако как оыстро и даже неожиданно для собеседника вы поменяли "грудную" тему. И все о театре, о театре. Лучше признайтесь: в Театр сатиры пришли по расчету?

— Выходит, что так. Хотя я не мерканти-

лен. Не расчетлив. Но расчет мой был от безысходности: 9-метровая комнатка на пять человек. Девять метров! Не хотел бы я, чтобы это

повторилось. Но почему театр? Я все время об этом думаю. Вот скажите, что лучше — короткий срок для репетиций или длинный? "Чайка" мхатовская делалась быстро, а вышел шедевр. Что лучше — один состав актеров или два? Когда я студентом бежал во МХАТ на протырку смотреть "Горе от ума", то заранее спрашивал билетеров: "Кто играет — Качалов или Массальский?" — "Массальский", — отвечали мне. — До свидания", - говорил и разворачивался. Что лучше — десять премьер в сезон или одна? Это все ведь не простые вопросы какого-то

Георгий Павлович, а какой для вас вопрос самый страшный?

- Очень банальный ответ будет - остать ся без работы. Ведь это такая сволочная профессия... Но остаться без нее..

Вот мне кажется, что актеру надо давать себе отчет в том, что рано или поздно без нее останешься, иначе с ними такое

слу... — Рано или поздно и без жизни останешь-

ся. А это почти равнозначно Закончу свою мысль: случается та-кое, что выходит артист на сцену и забывает текст, грустно как-то. Может, лучше во-

время уйти?
— Я, к счастью, не испытал мгновений, как наша Таня Пельтцер, когда в "Поминальной молитве" забывала текст, и Саша Абдулов за нее отыгрывал. Я-то знаю, что это может случиться.

Вот, помню, мы были на гастролях в Польше: Чествовали актера, которому исполнилось 100 лет. Он играл в спектакле какую-то крохотную, эпизодическую роль. Он выходил, встреченный овацией, долго раскланивался, выпадая из образа. Потом начинал что-то говорить и... засыпал. В зале все прикладывали палец к губам: "Тш-ш-ш". Замолкали. Вдруг юбиляр просыпался и с фразы, на которой задремал, продолжал: "Она меня разлюбила, это было лет двад-д-хр-хр". И продолжал спать. Это было безумно трогательно, но к искусству, как пони-

маете, не имело никакого отношения. Ну вот. Я безумно любил Качалова. МХАТ сделал позднее восстановление "Горе от ума", и это было страшновато. Качалов был много старше Фамусова, но не в этом дело. Когда он становился на колени, хруст раздавался такой... А

встать ему было совсем невозможно. Все нужно вовремя делать. И уходить тоже.

Вот я как-то встретил на улице Утесова Леонида Осиповича в странном виде. Он шел с авоськой, и в этом была странность. Разговори-- Я бросил. Завя-

зал с искусством.

- Не жалко? — Нет. Все, что я мог, я сделал. Я чувствую, что больше сделать

не смогу. Ну, а что, вон Аненнков играет, Зель-дин, Иванов... — "Я чем хуже

других? Этот играет, и этот... Смотри — какой огурчик". Так думает артист Менглет?
— Во-первых дата

- Во-первых, я ни одного из вышеназванных огурчиком не считаю. Даже малосольным.

А во-вторых, каждому овощу свое время.
— Георгий Павлович, признайтесь, за счет чего держитесь - породы крепкой или тренировок мазохистских?

Никакого мазохизма. Я всю жизнь лю-

Любовь болельщика, полнеющего у

А вот скажите: актеры вашего поколения больше веселились и интереснее жи-

ли в театре, чем нынешние?
— Все-таки да. Другое дело, что розыгрыш сценический был хулиганский. Представь: игра-ем "На дне". Окно подвальное, в которое актер может смотреться только лежа за сценой на животе. У него монолог. Он только открывает рот, а я его за ноги тащу со сцены.

или был у нас такой спектакль "Человек с того света". Я играл летчика-полковника, а Те-нин играл эмигранта, дочь которого я воспиты-вал. Роль ее жениха исполнял Олег Солюс. Играли мы сразу после Нового года. Все пере-бравшие. Ну мы-то с Тениным взрослых играли, а Солюс — 16-летнего. И хотя на ногах держится, но морда выдает страшно. В общем, провели диалог, он собирается уходить. Я говорю:

 Простите, Коля, — пошла отсебятина. Он напрягся.

Коленька, милый, скажите, сколько вам - Шестнадцать.

А на морде — все 35. — Ой, Коля, Коля...

Он уполз.

Или мы были на гастролях в Свердловске. В жену Гончарова — актрису нашего театра Верочку Жуковскую — влюбился лилипут. Подходит ко мне маленький и просит: "Можете меня с ней познакомить?" — "С удовольствием", — и веду его за кулисы. Она уже на выходе, готовится. "Вера", — позвал я ее. "Что? " И непонимающе смотрит по сторонам. "Да ты на-

Левочка в обмороке, жена Левочки же. А мы под лестницей умираем от счастья. На следующий день об этом знал весь театр, и Дикий нам всыпал.

С ним вообще столько историй случалось. Он был любитель женского пола. Страшный! Однажды позвонил мне среди ночи:

 Скорее хватай такси, мчись.
 Приезжаю на Пушкинскую. Он сидит и держит платок у лица. Я отодвинул руку: по лицу, сверху вниз, прошла женская пятерня и все разодрала в кровь.

Значит, так, - говорит Дикий. - Поедем сейчас ко мне, и ты скажешь Саше (Саша — жена Дикого. — М. Р.), что я играл с собачкой,

Нет, не поверит. На собачий след не по-

— А вот посмотрим, какой ты актер.
Ну, приезжаем. Звоним. Открывает Александра Александровна — бац ему по физиономии. Дикий поворачивается ко мне:

Менглет, ты свободен.

Ученик, достойный своего учителя? — Когда я его спросил: "Алексей Денисович, сколько у вас в жизни было женщин?" — он мне ответил: "Столько, Менглет, сколько в своей жизни ты воробьев не видел". Нет, я за ним

Кстати, о женщинах. Скажите, это скучно — играть на сцене вместе с женой?
— Нет. Как крути ни крути, а на сцене пе-

ред тобой всегда новый или полуновый человек. Это что-то другое, даже на ощупь. Мы ведь

телевизора? Знаем, слышали.

 Между прочим, Марина, милая, вы име-дело с нападающим. Я пять лет играл в футбол, и карьера моя не состоялась по той причине, что я сломал ногу. Я играл левого инсайда — это полунападающий, полузащитник.

 А когда в комедианты пошли, кем стали - защитником, нападающим или иг-

Все-таки я нападающий, если судить по тому, как агрессивно набрасываюсь на роль. Рр-р-р. Еще я не люблю долго работать. Главное — прорваться, хотя Эфрос был прав, написав: "Репетиция — любовь моя". Вообще театр — заманчивая штука.

Ведь со мной это было, и не раз. Я выходил на сцену, и исчезала болезнь. Почему? Я играл с воспалением легких и почти упал в обморок, окончив спектакль.

А горе проходит на сцене? Друг предал, любимая женщина ушла к другому...

клонись". Она, ничего не подозревая, наклони-

— Нет, меня не расколешь. Женька Весник в "Мистерии-буфф" подговорил всех выбросить меня из ковчега. А я это услышал. Вижу, вся орава на меня надвигается. И как только они подошли, я сам выбросился. От несжиданности

торый вас расколол?

Что случилось? Толстею.

Олег, милый, ты же в теннис играешь.

умер. Ой, какое горе, Петя Аржанов умер!

Что вы так смотрите? — спрашивает он.

Не испытал. Не хочу врать. Но я играл в день смерти отца и больше всего помню, как Андрюша Миронов пожал мне руку: "Держи-

Вот опять же об этом скажу — о тайнах профессии. В 36-м году был арестован один артист из Театра Ермоловой. Его сослали в Чимкент, куда вскоре прибыл другой арестованный — артист из этого же театра. Когда они встретились, то первое, что один крикнул другому из-за решетки:

- Женя, милый, скажи, кто мою роль игра-

Да вот играет такой-то.А как играет? Хорошо?

- Вот так создаются театральные ле-

- Да нет, это не враки.

лась, все грудки наружу. А он — ошалел. ей после этого выходить на сцену? — Вас ловили на "крючок"?

они ошалели: думали, сейчас будет француз-ская борьба, сопротивление. А я — прыг-скок. - Значит, не родился тот прохвост, ко-

Родился, но расколол меня не на сцене.
 Однажды приходит Солюс грустный.

Играл. Теперь не играю.Как так?

Потому что я играл только с Аржановым.

Я пошел курить по коридору, а навстречу мне — Аржанов. Очевидно, лицо у него было соответствующее.

- Да мы только что о вас с Солюсом гово-

- С Солюсом? А разве он жив?

Ну вот, а говорят, что черный юмор изобретение нашего поколения.

 Розыгрыши действительно были жесто-кие. Расскажу последний. В Ленинграде, в БДТ в общежитии поселился актер Масин с женой. Человек пожилой, если не сказать старый. И вот мы — я, Копелян, сын Дикого — подговорили одну проститутку. Она позвонила в дверь, и

ей открыла благообразная старушка.
— Льва Львовича можно? Левочка, тебя, — зовет старушка.

Да. – басит Левочка.

— Слушай, ты что ж, это дело делаешь, а деньги когда отдашь?

Архиповой и познакомились на спектакле "Где эта улица, где этот дом". Тогда мы играли влюбленных и как-то так увлеклись... Поцелуйчики во время спектакля.

— Истории, шуточки. Складывается впечатление, Георгий Павлович, что вся жизнь так и прошла. Вы миновали трагедию 30-х (и слава Богу), не были жертвой борьбы с формализмом. Еще...

— Вся жизнь, Марина, милая, так не складывается, как вам хотелось бы ее изобразить: тишь да гладь, божья благодать. Ну пошумели. Ну разыграли. Это ведь все... В общем, улыбаешься, когда беда пройдет, а когда случится... Неужели я буду мучить вас рассказами, как запрещали наши спектакли, изображать из себя жертву произвола, придумывать и нагнетать? Да какой в этом смысл? И зачем?

— Я знаю актеров, которые блестяще начинали, но быстро кончались. Мне хотелось бы знать: судьба актера — это талант или характер?

Талант плюс воля. Не было у них воли, у тех, кто ярко начинал. Я знаю тысячи, которые погибли из-за лени, пьянства, стремления к наживе. Ну хорошо, я хочу играть. Мне не дали. Что сделать? Бить морду? Есть такой выход. Или взяться за другую роль и доказывать, что ты не тот, за которого тебя принимали.

— А если не дают роль?— Уходи в другой театр.

Проработав так много лет в этой

профессии, вы можете признать, что актеры — самые зависимые на свете люди?

— Да. Могу. Вот почему я близкому человеку говорю: "Не надо, не ходи в актеры". Трудно? Дрова колоть еще труднее. Но все равно — "не ходи". Что больше всего смущает? Горды-Нет. Добро? Нет. Зависимость!!! Это главная трагедия актера.

Ну, а как вы с ней справляетесь, как

 Я бы так сказал: сожительствую. Я смею думать, что у меня талант и воля есть. И это помогает бороться мне с зависимостью

 А что вы делали, если о вас хотели вытереть ноги? Какую тактику выбирали? Когда я замечал, как поднималась чья-то нога, я ее убирал. Видите ли, например, у меня

с Плучеком (худрук Театра сатиры. - М. Р.) было так: вдруг какая-то сволочь ему сказала, что я мечу на его место. И однажды он вызывает меня в кабинет, встает с кресла и говорит

- Вы хотите быть худруком? Вот вам мое место.

Нет. Мне доложили.Ну раз доложили, вот и спрашивайте с Развернулся и ушел. И он за мной гнался

по театру. Был второй момент, когда Плучек предложил на общем собрании репертуар, а я его отверг. И мне зааплодировали актеры. Тогда Плу-

- Значит, Георгий Палыч прав? - помол-

Да, прав.И закричал:

Тогда я ухожу из театра. И пошел подавать заявление. Но я его не задерживал. Ну почему, Марина, милая, я должен был молчать, если считал, что "Принцессу цирка" лучше ставить под оркестр, а не под ро-яль? Или лучше вообще не ставить оперетту в

— Георгий Павлович, вы чувствуете себя старейшим, заслуженным, маститым и т.

 Чувствую нападающим себя. Во всяком случае не позволю себе никогда в жизни стать другим. Если бы я был вместо Сталина, не стал бы другим. Если бы худруком, не стал бы другим.

— И ни за что бы не отказались от дурных привычек — выступать или раскалывать?

— Ни-за-что!

— Тогда с вас — последний раскол

Сразу в башку не входит. Сейчас расскажу, как я раскалывался сам. Только не буду называть фамилий, ладно? Одна очень полная актриса репетировала со мной сцену. Она па-дала на четвереньки. Я стоял сзади, и то, что открывалось моему взору, было очень обширным. И вдруг она заболевает. На ее роль вводят актрису, очень худенькую. Я об этом ничего не знал. В общем, идет наша сцена. Она падает у моих ног, но привычного нет. Было — и вдруг нет. Со мной случилась истерика. Кожаный жилет и ярко-красный свитер.

Крутой прикид на фоне его 80 лет вызывает такое же удивление, как культура в массах. Все-таки обожаю театральных стариков, у которых в жизни столько было и столько